Вот однажды

Вот однажды шел я с Петрограду пешком со своим пестрым мешком. Одежина была плохая. Ночевать проситься совестно. Смотрю — амбар хлебный. Забрался я под него, думал — ночь пролежу. Потом, значит, ночью слышу — лезут еще какие-то люди туда. Оказывается, жулье — воровать. Вот они ощупью пощупали: «Вот тоже человек. Ты что тут?» — «Я тоже воровать». — «Ну, давай заодно, вместях будем».

Провернули они в полу дырки, выломали. Влезли в середину мы все. Дверь со середины открыли. Стали обирать. Что там есть — обобрали все.

Они и говорят: «Посмотрим в сундуке, в тряпочках нет ли денег?»

Когда я наклонился туда, они сграбили меня в этот сундук, закрыли пробой, палочкой заторнули, там и остался я.

Сижу, дожидаюсь, думаю: «Вот теперь я пропал. Хозяин придет — плохо будет». Слышу наутро — приходит хозяйка. «Ох, тошно! Ох, лихо!»

Вошла: «Ох, мазурики, все обобрали! Нужно хоть посмотреть в сундуке, не оставшись что?»

Открывает сундук, а там был горшок гороховой муки. Забираю пястку муки; как она открывает, я ей прямо в глаза. Покуда она ковырялась — я бежать.

За мной гнались. Лес был недалеко, убежал я в лес. Лес большой: бежал я, бежал лесом — выбежал на частину. Гляжу — мои други делят это добро. Бочки были с рыбой или там с селедкой. «Ах, — говорят, — товарищ! Поешь, покушай с нами».

Дали покушать как следует, потом схватили меня, в эту бочку и заложили. Тут я сижу и думаю: «Теперь пропал. Здесь с голоду погибнешь в лесу».

Потом приходят волки, кругом бочки стали ходить, как тут рыбный дух идет. А в бочке гвоздь был большой. Вынул я его. Тогда один волк положил лапу на бочку, схватил я его за лапу; вот он тут пошел, а бочка то об дерево, то об пень. А я держу его. Потом бочка рассыпалась. Тогда я пустил.

А куда идти — не знаю. Шел-шел, думаю: «Залезу на дерево, посмотрю — может, увижу край». Вот лез, лез. Осина толстая. А влез я высоко, а осина была с дуплом. Я ошибился и прямо в это дупло, а по самый этот корень въехал. «Ну, теперь, — думаю, — пропал. Не вылезти».

Слышу, приезжают мужички резать ульи для пчел. А для пчел надо пустые стволы. Стали они обухом бить по деревьям. В аккурат по этому стукнули. «А вот, — говорят, — пустое дерево, надо срезать!»

Резали-резали, стали до ног подрезать. Я понемногу на локти поднимусь, а заморюсь — стану на пилу. Тогда они говорят: «Зажало ветерком. Надо клин вбить».

Покуда они клин вбивают — я отдохну да на локтях подтянуся.

Срезали они осину, повалилась осина; она валится, а я прикорчиваюсь, ниже опускаюсь. Когда упала, остался я на пню...

Тогда эти люди испугались да бежать. Все мне оставили: и лошадину, и хлебишко, и все.

Я поел и запряг лошаденку, и пиленку и армячишко взял. И поехал. Ехал-ехал я много-мало, уснул на дровянках. Потом проснулся да кнутом: «Эй ты, что же стала!»

А там, оказывается, лошаденку волки съели, а волк шею доедал в хомуте. Когда я подмахнул кнутом, он вскочил — и прямо в хомут, и повез меня.

Тогда я понял, что это не моя лошаденка. Моя так не везла — тут только дровянки стали подскакивать! Тогда я встал на коленки, смотрю — что такое! Вижу — волк меня везет! Я забрал руками за раздуги и держусь, а он прет прямо дорогою. Подвез меня на мое поле. Потом встречает мужичок. Узнал меня, что я: «Ты где, Михаил, такую лошадь взял?»

Взмахнул руками, волк в сторону побежал, я остался.

Домой пошел, вот и теперь живу.

(Зап. от М. К. Карпова, д. Заозерье Белебелковского р. Новгородской обл.)

Русская сатирическая сказка. Сост., вступ. ст. и примеч. Дм. Молдавского. Л., 1979.